

*Посвящается Парши
и светлой памяти Наз*

*Моя дорогая Нури,
я понимаю, что за долгие годы не раз проверяла на прочность твои терпение и великодушие. Но, ускользя в следующую жизнь, попрошу еще об одной последней услуге: не нужно поминок, лучше устройте вечеринку. Все детали ты найдешь в моем голубом дневнике — том, что я держала при себе все последние месяцы.*

*С бесконечной любовью,
Назия*

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Наурин поднялась из плетеного кресла и неспешно побрела по мощеным дорожкам вдоль газона – как прежде делала Назия. Поравнявшись с бугенвиллеей, она разгладила складки своей грязно-белой хлопковой **курты**¹ и остановилась, чтобы закурить. Сделала терпкую, с привкусом древесины затяжку и со вздохом выпустила дым изо рта. Хрустнула шеей и оглядела лозу, проведя пальцем по ее тонким, будто бумажным листьям – буйство розового цвета на фоне лазурного неба Карачи.

Внезапно ее голову пронзила вспышка мигрени. Наурин прижала большие пальцы к векам и помассировала виски. Спустя несколько минут боль отступила, и она сделала глубокий вдох.

– В чем дело? – голос Асфанда разорвал тишину, нарушаемую лишь криками ворон вдали и тихим стрекотом сверчков. – Тебе нездоровится? Что ты бродишь по саду, как привидение?

Его взгляд упал на пачку «Мальборо лайт», которую Наурин неловко спрятала в кулак. Асфанд пришел в ужас.

¹ Значения специфических слов и выражений, встречающихся в тексте, см. в словаре в конце книги.

– Нури, зачем ты взяла сигареты Нази?! – гневно выдохнул он, тут же отбирая у жены пачку. – Захотела сойти в могилу следом за сестрой? Прекращай немедленно!

Наурин недовольно нахмурилась, морщины на ее лбу стали глубже. Она добрела до широкого плетеного кресла, с глухим звуком опустилась в него, примостив свое грузное тело на толстой желтой подушке, и продолжила глядеть на лозу.

Шаркая, Асфанд подошел к жене, отложил сигареты на столик из красного дерева и опустился перед ней на колени.

– Нури, нужно быть сильной. Я понимаю, ты потеряла Назию всего несколько часов назад, но нельзя расклеиваться. Впереди еще подготовка к похоронам, столько дел. Не время начинать курить из-за стресса.

– Я не из-за стресса курю, – Наурин отвернула голову, сводя на переносице и без того нахмуренные брови. – Я просто хотела почувствовать себя на месте сестры, понять, что она ощущала на своих утренних прогулках. Она всегда подходила к бугенвиллее, курила и затем делала еще несколько кругов.

Асфанд был сбит с толку подобной реакцией жены на смерть Нази. Он хотел было напомнить ей о разногласиях, которыми были осложнены отношения сестер. Это казалось отличным антидотом против тяжелых мыслей жены, который не позволил бы ей окончательно скатиться в меланхолию. Но вместо этого Асфанд решил отделаться парой банальностей, которые ждешь скорее от дальних родственников и незваных гостей.

– Нури, чем скорее мы начнем забывать усопших, тем лучше,— сказал он, тяжело опуская ладонь на плечо Наурин.

Та резко сбросила его руку и вскочила на ноги.

– Еще столько всего нужно сделать перед поминками,— продолжил Асфанд.— Твоя сестра пользовалась популярностью. Уверен, мне сегодня придется утешать немало убитых горем *аашиков*.

– Не будет никаких поминок! — решительно заявила Наурин, проигнорировав попытку мужа покритиковать поведение ее сестры.— Назия хотела, чтобы мы устроили прощальную вечеринку, на которой все могли бы проститься с ней, но обойтись без истерик и рыданий, как обычно бывает на поминках. Она заранее приготовила список гостей и инструкции по поводу всего, что следует сделать после ее смерти. Мы похороним ее в узком кругу, Асфанд. Назия не хотела, чтобы ее друзья присутствовали при том, как ее тело будут опускать в могилу. Мы с тобой можем договориться, и ее закопают уже сегодня. А затем мне нужно сделать несколько звонков и пригласить гостей на вечеринку. Назначим ее на эту субботу.

Новости ошеломили Асфанда, и он застыл, не находя слов, чтобы выразить возмущение, которое вызвало в нем предложение проводить Назию в последний путь подобным образом. Наурин взяла со стола сестрин голубой дневник и бегло пролинула его.

– Нури, это... это... совершенно неприемлемо! — напряженно произнес Асфанд, с трудом скрывая раздражение и гнев в голосе.— Что скажут

люди? Ваши родственники ждут *джаназу* и *сой-ем*, а не долбаную вечеринку. Некоторые станут настаивать на собраниях каждый четверг и *челуме*. Как мы им скажем, что вместо *чтения Корана* у нас будет *вечеринка*?!

— Родственники много лет нас не навещали, Асфанд,— спокойно ответила жена.— Многим из них все еще очень нравится нас ненавидеть. Кроме того, Назия была той еще чертовкой. И придумала, как их осадить.

Поддавив ухмылку, Наурин раскрыла дневник и указала Асфанду на строчки, написанные красными чернилами — небрежным почерком Нази.

«Солги им. Скажи, что я убила себя. Тогда они вас не побеспокоят. Набожные мусульмане не придут на мои похороны, если будут думать, что я закинулась упаковкой парацетамола».

— Ты выжила из ума?! — Асфанд выхватил дневник из рук Наурин и отшвырнул на единственную проплешину посреди пышного сада.— Это совершенно, абсолютно, категорически неприемлемо. Твоя сестра всегда наплевательски относилась к чувствам других. Ее ни капли не волновало, что скажут люди: творила, что вздумается. Но ты-то всегда была разумнее — хорошая дочь, которая всегда делала все, как положено. Прошу, веди себя обдуманно. Постарайся меня понять, Нури: если мы сделаем так, как хотела Назия, мы больше не сможем показываться людям на глаза. Пойдут разговоры.

С тяжким вздохом Наурин поднялась из кресла и подошла к отброшенному дневнику. Наклонилась и подняла его.

— Асфанд, решать не тебе! — сказала она, стряхивая грязь со страниц, испещренных хитросплетением завитков, хвостиков и тоннелей почерка Нази. — От тебя требуется только содействие. Позвони *маулави-сахибу*, заведующему мечетью на кладбище, и договорись о *гусле* и погребении сегодня же. Мы с тобой пойдем туда ближе к вечеру и все сделаем.

Наурин поковыряла пальцем последний комочек грязи, прилипший к странице, и щелчком убрала его. Затем прижала дневник к груди и прошла в дом.

Асфанд недовольно цыкнул и нехотя поплелся за ней.

— Хоронить кого-то — это не в парке Замзама прогуливаться, — пробубнил он. — Существуют определенные правила. Сомневаюсь, что тебя пустят на кладбище Гизри на погребение.

Наурин послала Асфанду испепеляющий взгляд. И это сказало ему о сложности ее положения куда больше, чем самый долгий разговор. Двадцать восемь лет брака научили Асфанда читать каждую ухмылку или недовольный изгиб бровей жены. Последняя крупца их близости, которая с годами не просыпалась сквозь пальцы.

Принимая поражение, он прошептал:

— Я найду, как это устроить, Нури...

— Спасибо! — грозно прошипела она. — И не разочаруй меня.

Асфанд подождал, пока стихнет цоканье ее каблуков по мраморному полу. Только убедившись,

что она ушла в дом насовсем, он снова вышел в сад. Взял в зубы сигарету и поднес к ней старую зажигалку «Зиппо», которую всегда носил в кармане. Обжег пламенем кончик.

Легкий ветерок качал бугенвиллею, тихонько посвистывая ее листьями, добавляя еще одну нотку в симфонию из разноголосых криков птиц и гула машин на бульваре Сансет. Шагая по мощеной дорожке, Асфанд сделал мысленную заметку: велеть садовнику постричь газон и полностью срезать этот вьющийся кустарник.

«Все кончено!» — кричал его внутренний голос. Даже воспоминаний казалось недостаточно, чтобы утешить его разбитое сердце.

* * *

Би Джаан повернула ручку плиты, и яростное голубое пламя под стальной сковородой чуть ослабело. Старая экономка добавила в **бирьяни** вареный рис, шафран, кориандр и мяту, бережно все перемешала и накрыла крышкой.

— Сорайя! — крикнула она, снова подкручивая ручку, чтобы блюдо томилось на медленном огне.— Иди сюда, сейчас же.

Би Джаан недовольно цокнула, когда племянница зашла на кухню и, позвякивая медными браслетами, просеменила к столу. Девушка мурлыкала под нос мелодию из фильма с Санни Леоне¹, что

¹ Санни Леоне (род. в 1981, наст. имя Каренджит Каур Вохра) — индийская актриса, начинавшая карьеру в западном порнобизнесе.

всегда приводило ее тетушку в ярость. Длинные спутанные волосы Сорайи спадали по левому плечу, оставляя правую сторону шеи открытой для любопытных взглядов соседских слуг, которые частенько карабкались на разделявший владения забор, чтобы поглазеть на нее. Радея о приличиях, Би Джаан ухватила часть волос племянницы и забросила их на правое плечо. Судя по тому, как расширились глаза Сорайи, это было болезненно, но девушка не возразила.

— Сколько раз говорить — одевайся пристойно! — воскликнула Би Джаан. — Зачем открываешь шею? Кого из соседских слуг пытаешься соблазнить?

— **Вах, фунно!** — Сорайя ткнула пальцем в тетку. — Тебе, значит, можно не покрывать голову и шею **дунатмой!** А когда речь обо мне — так это сразу грех.

— Довольно! — закричала старая экономка. — Как ты смеешь так со мной разговаривать, да еще в подобное время?! Назия-**ана** так много для тебя сделала! Прояви уважение к ее памяти.

Сорайя передернулась от отвращения, почти подетски выражая презрение к лицемерию тетушки.

— Для тебя она тоже сделала немало, — фыркнула она. — И что-то я не вижу, чтобы ты скорбела. Только мне нравочения читаешь.

— Давай поживее, — буркнула Би Джаан, игнорируя дерзость Сорайи. — Нужно показать Наурин-**биби**, что от тебя все еще есть толк. Не хочу, чтобы она сказала, что больше не нуждается в твоих услугах, раз Назия-апа умерла.

– Ну вышвырнут меня – и что? – невозмутимо отозвалась Сорайя. – Я и не хочу тут оставаться, особенно если мне не рады. Все в нашей деревне думали, что я когда-нибудь стану известной актрисой. Разве ты не понимаешь, что мой актерский талант и танцы заткнут за пояс даже самых именитых звезд?

– Само собой! – саркастично пропела Би Джаан. – Разве может следующая Мадхури Дикшит¹ бросить свои фильмы и горбатиться на кухне, занимаясь домашней работой?

Сорайя зарделась от такого, как ей показалось, редкого комплимента от фуппо. Но затем заметила, что на хмуром лице тетки не отражается ни тени восторга, и яркая улыбка девушки подугасла. Тетушка растила ее с пеленок, после того как мать Сорайи умерла родами. И тем не менее Сорайя по сей день не научилась различать, когда тетя злится, а когда шутит.

– Когда уже до тебя дойдет? – голос Би Джаан прозвучал гораздо жестче, чем раньше. – Потеряешь работу, и твоего сироту-братца будет некому содержать. Твой отец, земля ему пухом, никогда тебя за такое не простит.

Слова Би Джаан ужалили Сорайю, хотя девушка и попыталась скрыть гнев. Как ни силилась она сдержаться, все ее нутро требовало хоть как-то – как угодно – выплеснуть, облечь в слова ту обиду и боль, что причинили ей жестокие слова тетушки.

¹ *Мадхури Дикшит Нене* (род. в 1967) — индийская актриса, снимающаяся в фильмах на языке хинди.

– Ракиб тут не единственный сирота, фуппо, – запинаясь, произнесла Сорайя: говорить такие дерзкие слова было все-таки нелегко. – Ты вечно забываешь, что, когда автобус, где ехал отец, разбился, я тоже стала сиротой.

– Что ты сказала?! – прогремела Би Джаан. – Не смей говорить со мной таким тоном, **чокри!** Все, иди мой посуду и накрывай на стол. Хочу, чтобы Наурин-биби и Сахиб поели перед тем, как идти на кладбище, – Би Джаан сняла крышку со сковороды и помешала комки риса большой ложкой.

– Фуппо, – выпалила Сорайя с необычным для нее энтузиазмом, – а почему никто не пришел на джаназу Назии-апа?!

– Наурин-биби сказала, что джаназы не будет, – испытывая дискомфорт, Би Джаан переступила с ноги на ногу и мигом забыла свой гнев. – Сказала, будет небольшое собрание, *вечеринка*, через несколько дней. Придут только близкие друзья Назии-апа, – экономка покачала головой и засуетилась над сковородками: несуразность того, что она только что произнесла, требовала занять чем-то руки.

– Мне кажется очень странным, что никто не пришел, – продолжила она, когда Сорайя подошла к шкафчику из тика. – У Назии-апа было множество друзей. Но в последние годы они перестали ее навещать.

– Почему перестали? – спросила Сорайя, не подумав, – больше из любопытства, чем из-за беспокойства.

Она достала из шкафчика большое сервировочное блюдо и принялась протирать его полотенцем, ожидая ответа Би Джаан.

Старая экономка опустила взгляд, шумно выдохнула и ущипнула себя меж седеющих бровей. Сорайя наблюдала, как меняется выражение ее лица, совершенно сбитая с толку тем, что невинный вопрос так задел тетушку.

– Не трать мое время подобными расспросами! – воскликнула Би Джаан и погрозила племяннице пальцем, выражая крайнее негодование. – Смотри, чтобы все вилки и ложки блестели. Не дай бог, я замечу хоть одно пятнышко!

Затем она спешно покинула кухню, скрывшись в просторной кладовке возле комнат прислуги, и плотно прижала дупатту к губам. Вскоре Сорайя услышала приглушенные всхлипы. Сердце девушки дрогнуло и заколотилось о грудную клетку, угрожая сломать ребра. Она подкралась к раздвижной двери, ведущей к комнатам прислуги, и сквозь пыльную сетку увидела, как из покрасневших глаз тетушки катятся слезы.

Сорайе хотелось броситься утешать Би Джаан, но она не могла понять, что же так сильно огорчило фуппо. Ей всегда казалось, что Назия-апа и Би Джаан друг друга недолюбливают и вечно с наслаждением спорят из-за домашних дел. С тех пор как Сорайя начала здесь работать, она не раз слышала, как Назия-апа жаловалась, что Би Джаан снова забыла добавить зеленый лук в ее салат с авокадо, разбила или антикварную вазу, или еще какую драгоценную вещицу, пока убирала в ее комнате, либо